

лом Степанчиковым...», тем самым как бы принимая утверждение Тынянова за неоспоримую истину. Однако в конце статьи Лотман подводит итог: *«Конечно, ни Рудин, ни тем более Грановский или Белинский не являются прототипами гротескного образа Фомы Опискина, но многоаспектный социально-психологический анализ типа узурпатора общественных симпатий, ложного властителя дум включал и мотив его мимикрии под высокий образ “русского скитальца”, идеолога, мученика идеи».*

Увы, приемы не литературоведческие, скорее иезуитские. Прямо сказать рискованно, а вот в перечислении «ни Рудин, ни Грановский или Белинский» — «Гоголь» отсутствует. И, помня «истину Тынянова», если не они, то только Гоголь, но уже с приложением «ложный властитель дум, идеолог». А ведь он действительно — *властитель дум и идеолог*. Да только, увы, не для тех, кому он изначально чужд.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Бесспор-

но, Тынянову были известны письма Достоевского Страхову, в которых он дает уничтожающую характеристику творческой личности Белинского, — кстати, ничего подобного никогда о Гоголе он не писал; знал Тынянов, поди, и о том, что последний диалог Достоевского с Белинским состоялся в эпилоге романа «Братья Карамазовы» — это уже устами детей. Мальчик Красоткин поднимал «злые» вопросы, получая на них и достойные ответы. Казалось бы, вот и пример законченной пародии. Но Тынянов, конечно же, против пародирования Белинского — партия одна; у теоретика другая задача — разрушить Гоголя. Но мы-то не жаждем разрушения, да и пародии на Белинского нет, есть страстная полемика, которая длилась до последних дней, до эпилога «Братьев Карамазовых», до «пушкинской» речи. Именно полемика велась и с Гоголем, и с Тургеневым, и с Толстым, до пародирования Ф.М. Достоевский никогда не опускался.